

Был ненастный ноябрьский вечер. Я сидел в своей комнате за письменным столом, вдруг дверь с шумом отворилась, и я увидел дробную фигуру в очках с клинообразной бородой.

Выйдя из-за стола, я поспешил навстречу неожиданному гостю, в котором узнал А.И. Левитова.

- Я тебе не помешал? - тихо спросил он, снимая с себя верхнее платье.

- Напротив, ты очень обрадовал меня своим посещением.

- Кажется, ты что-то писал?

- Начал рассказ из народного быта под названием "Змей".

- Это какой же такой "змей", уж не "огненный" ли?

- Видишь ли, в чем дело: некий сельский огородник вздумал по ночам делать визиты одной придурковатой девке в то время, когда она находилась в объятиях Морфея... Мужики решили, что к ней прилетает змей...

- Понимаю, понимаю!.. Я тоже обдумываю недурную вещицу, только сперва надо у кого-нибудь заполучить авансу... А что же, - садясь на диван, умиленно проговорил Александр Иванович, - не угостишь водочкой?

- Непременно!..

Мы выпили по стаканчику, беседа наша оживилась.

- Знаешь, какую новость я тебе сообщу? - торжественно возвестил мой "собрат по перу".

- А именно?

- На Знаменской улице в великолепнейшем доме открылась коммуна...

- Это что такое? Я тебя не понимаю... - Коммуна происходит от слова "communis" - общий... Другими словами, открылось общежитие, благодаря почину, авторитету и энергии Слепцова... Ты не знаком с ним?

- К сожалению, нет.

- "О-о! Познакомься непременно!" - скажу я словами Репетилова. Но что особенно прискорбно: Василий Алексеевич после своей повести "Трудное время" не пишет ничего. Вот таких людей-то сечь да приговаривать: "Писать, писать, писать!"...

- Однако расскажи мне что-нибудь про эту коммуну.

- Дело в том, что в ней живут образованные молодые люди и девушки вместе, ежемесячно внося в общую кассу известную сумму денег, которыми заведует Слепцов... Что ж? Мысль во всех отношениях прекрасная... Ты вот, например, платишь за свою комнату двенадцать рублей и за свои же деньги подвергаешься оскорблениям со стороны невежественной квартирной хозяйки, умираешь с тоски в одиночестве среди четырех облупленных стен, не имея и сотой доли тех удобств, которыми пользуются обитатели коммуны, а там ты, сидя перед камином, можешь услаждать свой слух звуками пианино или арфы, отводить душу беседой с интеллигентными людьми, имеешь под рукой все газеты и журналы... да, наконец, прими во внимание женский персонал, который, что ни говори, немало способствует подъему духа... Давай-ка выпьем...

- Ну, скажи, отчего бы нам с тобой не жить в таком раю?.. Для меня и для тебя совершенно безразлично, кому ни платить двенадцать рублей в месяц...

- Нет! Нас с тобой туда не примут...

- Это почему?

- А вот на каком основании: сегодня у нас имеются деньжонки, а завтра и даже послезавтра - ни гроша... В коммуне же требуется аккуратный взнос... там, брат, свой устав, составленный Слепцовым... Я раз говорил ему, дескать, нельзя ли мне в качестве хоть парии как-нибудь приютиться у вас, хоть, примером будем говорить, в кухне... "Ну, нет! - сказал Василий Алексеевич. - Это немыслимо, во-первых, потому, что у нас в кухне наблюдается самый строгий, педантический порядок, а ты любишь вследствие катара чуть не через две-три минуты плевать... Во-вторых, ты любишь выпить и из кухни можешь как-нибудь ворваться в самую коммуну и бушевать... А главное, все вы, народные писатели, страдаете безденежьем, а у нас живут люди более или менее обеспеченные: тут есть и дочка графа, и сынок Тит Титыча... Нет, Левитов, ты эту кухню выбрось из головы... Я лучше буду по временам оказывать тебе пособие в форме какого-нибудь пиджака, трех рублей, стеариновых свечей и так далее". Так поедем, если хочешь? - возгласил Левитов, допивая последний стакан водки. - Об извозчике не заботься... Слепцов ему заплатит.

Мы отправились... Я был немало изумлен, когда Левитов по приезде на Знаменскую улицу